

Камерные размышления

Среда 19 декабря 1984 г.

    Был декабрь, девятнадцать.
Тот день я начал с четырёх,
    Мороз скрипел за сорок,
    Но планов изменить не мог.
        Вышел я с молитвой ранней,
        Много планов и мыслей,
        Ни намека, ни иканий,
        Что день сей ускользнет с путей.
Строили вертеп мы скудный,
Чтоб украсить Рождество,
Чтобы храм наш стал чуть людным
И отрадным в торжество.
    Каждый день здесь утром – рано
    В святой тиши Небес зовём,
    Милость всем – Всевышнее благо,
    Во благо мира воспоем.
И вот пришло молитвы время,
Но гость нежданный смял покой
И голос их как тяжесть, бремя
Вонзился в сердце силой злой.
    – Сюда хозяина зовите!
    Хоть неприятно, но мы к вам,
    Наш долг таков, вы извините, -
    На обыск ордер показал.
И прочитав глазам не верю:
«Я контра? – дело завели, –
Зачем же это в сю неделю...»?
Народа чести не учли!!
    Жадно всё перебирали
    И жар огнём меня съедал,
    Рецепты даже «контрой» стали
    И «Йоги» век не устоял.
Высокомерие, надменность,
Чувство силы, высоты,
Вопросов скудность и наивность
Сочились вплоть до наготы.
    – Готово. С нами собирайтесь.
    – В путь к пингвинам ? – Я спросил.
    – Пока нет, не беспокойтесь, –
    Следак сквозь зубы процедил.

Несёт нас «газик» спешно к цели.
Этаж – четыре, вопрос-допрос:
– Вы клевету распространили,
За это будет строгий спрос.

Собралось их тут не на шутку,
На прокуроре прокурор,
А авось и клюнет что на удку,
Ведь будет весче приговор.

– Вы сказали, что в Союзе
Ваш католик ущемлён?

– Да, сказал – во всяком разе,
Где костёл здесь не снесён?

– Почему из-за границы,
Почему самоиздат?

– Потому, что ни крупницы
Здесь, в Союзе, не достать.

Странно, все равны мы по закону,
Даже секты издают,
Только мы вот всё с-под полу
Готовим сами атрибут.

Почему католик ныне
На отшибе – Киев, Томск?
Нас хватает и на Лене,
Но мы и впрямь для вас не впрок.

На «добро» ждут не дождутся
Омск, Казатин, Могилёв,
Сквозь заслон ваш наши рвутся
Молодые на ксендзов.

– Со времён от Крестоносцев
Вам век за веком славы нет.
– Где же ум законотворцев!?
Нам за них держать ответ?!

Тогда только уж по-правде,
Всех давайте здесь со мной!

Мы не негры в Алабаме,
Голой нас не взять рукой!

Я здесь учуял ложь Иуды,
И тех серебряников горсть,
Торговля шла и пересуды,
Вокруг меня давно велось.

Ложь отшлифована до блеска
Из уст «дворняжечек – собак»,
Нужна им просто как затычка,
Ей оперирует следак.

Живёт Крылов и ныне в баснях:
«Ты виноват хотя бы тем –
Кипит пена в чьих-то пастях,
Ягнёнок нужен, нужен им».

– Снять часы и крест нагрудный,
Устав от ныне Ваш иной,
И паёк там тоже скудный
За колючею чертой. –

Над Обью сумерки сгущались,
Снег под шинами скрипел,
Домой люди направлялись,
В КПЗ мой был удел.

И прошёл я шмон-проверку,
И бумажной формы дел.
– Отвести его в пятёрку, –
Так начальник повелел.

Клац-клац тупой чугунный,
Звук проник во глубь костей,
И раздвоился мир сей чудный
Стальной гранью сих дверей.

Вот он, новый дом судьбы:
Толкан справа, вода слева,
Справа-слева – нары,
И радиатор обогрева.

Шесть шагов вдоль для тусовки.
Шириною более трёх,
А в окне одни решётки,
Поселили здесь нас двух.

Мы со временем сраслися,
Оно цепко нам в мозгу.
Как забыть я не стремился,
А привыкнуть не могу.

Дано время для движенья,
В пространстве чувство полноты.
Одно здесь чувство – омертвенья,
Души и сердца пустоты!

Ночей бессонных вереница,
Не идёт ни сон, ни аппетит:
Мысль: авось все прояснится,
Иль – сколько лет тебе влетит?

Чего же, дух ты мой, в смятеньи,
Чего трепещешь, сердце, ты?
Забыло словно, в Чьём веленьи
Лежал весь путь до сей черты?

Господь, Господь, Ты дай мне силы,
Души тревоги удали,
Не только крест, но тень могилы
Как Волю Бога, дух, прими!

Я не хочу ни уз, ни воли,
Я лишь хочу, что хочешь Ты,
Прославься в немощи и боли,
Яви десницу силам тьмы!

Вот она – казны похлёбка,
Я прикоснуться к ней не смог,
Сосед на диво очень ловко
Два пайка – всё превозмог.
Но человек уж так устроен,
Начало трудно, но потом
Всё постепенно, всё освоит,
Стена невзгод пробьется лбом.

КаПеЗе

Виктор был Михайлович
Со мною в КПЗ.
Впечатленье светлое
Оставил о себе.
Он знал литературу
Историю и нас,
Поэмы и свод Притчей
Цитировал на глаз.

Сам он срок в пятнадцать
Отбыл, «в законе вор»,
Сейчас случайно, значит,
Опять попал в затор.
Его внимал советам
И правилам тюрьмы:
«Так держать и в этом,
Не сгибайся ты!»

Дом здесь двухэтажный,
Как выглядит извне,
На самом деле дважды
Погружен он в земле.
Для ГПУ в тридцатых
Здесь был «рабочий дом»,
Дед его из незнатных
Расстрелян в нулевом.

Расстреливали ночью.
Но здесь был слышен Звук,

Сколько эти стены
Видели здесь мук!
Три дня мы были вместе
Затем остался сам,
Как жутко жить без вести,
Как паства моя там?
Поутру на пересменку
Сам начальник входит к нам:
– Здравствуйте! К нам жалоб нету? –
А мы ко стенке и по швам!
Наряд новый шмон устроит –
Распорядок строгий дня,
Так что-либо скрыть не скроешь,
Затем пеняй сам на себя.
В КПЗ в обед два блюда,
Утро, вечер – кипяток,
На двоих – чернушки булка,
Грамм четыреста – паёк.
Двадцать пятого на рассвете
Я встречал так Рождество:
Совершил в кусочке хлеба
Устно жертву в торжество.

25 декабря 1984 г.

В КПЗ после обеда
На допрос зовёт следак
Вас сегодня с днём рожденья,
С праздником, коли уж так.
От Ярыгиной подарок
– Вот Вам сдобный узелок, –
И теплом меня обдало,
Видя скромненький кулёк.
Но не тут-то это было,
В камеру внести нельзя
Правило не разрешило –
Мертвы все буквы как одна.
Следак начальнику представил:
– Разрешите ему съесть!
Палец в правило уставил,
– Все запреты только здесь.
Хоть не съел, но сладко стало
О тех на воле там извне,
С признаньем сердце клокотало
Тем, кто вспомнил обо мне.

До хаты.

В предварительном – три дня законно
Я здесь пробыл девять дней
И вот: «На выход, быстро-скоро!
В накопитель, быстрее-быстрее»!
Казалось если без причины,
Кто сногшибающе загнёт?
Но мент по – скотски, и в мундире:
– Ты сучья морда ... тебя в рот!
Накопитель мне напомнил
Конюшню детства, где я пас:
Стойло слева, стойло справа
Средняя часть – тусовок час.
В мрачном дыме ЗЭК – фигуры
Как маятник «туда – сюда»,
А по углам чифирят люди
Другие палию блюдят.
Большинство в отвальном храпе,
Безмолвно стадо баранов,
Лишь скрип дверей в «волшебном храме»
Взметает на ноги овнов.
Идёт отправка нас в СИЗО:
Воронок – квадрат в шесть метров,
Немного – мало нас вошло:
Всего лишь сорок серых ЗЭКов.
Хоть набито, друг на друге,
Но смех и шутки на все сто,
Как затянули все по штуке,
Так стало горько и тошно.
Машина входит в какой-то крытый,
Гараж закрыли-заперли,
– Выгружайся, – голос хриплый,
Нас подгоняют конвои.
Нас пересчитывают дважды,
Загоняют в щель-проход,
Везде звучит столь тон здесь важный,
Пастух словно гонит скот.
Что, конечно, здесь ты значишь?
Ты преступник – вот и всё,
Назад руки, молча глянешь,
Жди безмолвно свой черёд.
На регистрацию скорей-ка,

Моя фамилия – я влёт:
Имя, отчество, статейка –
Уста строчат, как пулемёт.
Капитан с улыбкой смотрит:
– За брата вашего взялись,
За сей год идёшь четвёртый
На ратный труд, крепись-бодрись,
Стоишь понуро, снявши шапку:
«Стойку Зэка не забудь»!
И опять по два в шеренгу
Нас на мойку поведут.
Туннелем длинным под землёю,
Словно древний лабиринт,
Нас ведут, чтоб смыть водою
Грехов особый колорит.
В карантин затем ведут нас,
Отстояться мы должны,
Здесь всё мёртво и железно –
Дробилка узника судьбы.
В шесть утра шум, баланда,
Отпечатки и рентген,
То на фото вдруг команда –
И прошёл в тусовке день.
Мы прошли все процедуры
Лабиринтом в баню вновь,
Небольшие конъюнктуры,
А потом и в хату-дом.
Моя хата три-четыре,
Запускает старшина:
– Привет, здорово вам, мужчины, –
И отвечает нам братва.
Мужиков было здесь тридцать
На восемнадцати квадрат,
Повезло мне здесь прижиться,
О чём узнал хозяин хат.
Переселили в один девять,
Нас было шестеро всего,
Надолго врезались в память
Епанешник Гена и Тимко.
Сидит Гена раз четвёртый,
А Тимко тут ветеран,
Он десятый раз судимый,
Тридцать пять тюрьме отдал.
Гена тряпочник на редкость,
И садист и самодур,

Интриган Тимошка Федя
Ведал ханку с процедур.
Проглотил бы всё и сразу
Насмешки днями напролёт,
Жертвой сам своему вкусу
Набивал он свой живот.

Один-девять

Моя квартира, новый дом
Всего в два метра шириною
В железо кован и бетон
Одет и в шубу он блатную.
Шконки три и «телевизор»,
Но не для глаз, а для еды,
Кормушка – главный нам провизор
Колени гнём мы в день раз три.
Редко солнце к нам заглянет
Узкой ниткой сил щадя,
Кто-то тени замеряет
Для отсчёта время дня.
Спасибо, солнце, за визит твой,
Что и в мир сей забрело,
Тебе лишь только вход подвластный
И право выхода дано.
Не грозят тебе решётки
Ни «запретка», ни конвой,
Ни колючие закрутки,
Ни мрак темницы сей сырой.
Ты на свободе, я в темнице,
Ты посредник двум мирам,
Не для тебя сея граница,
Загляни почаще к нам.
Разогрей бетон холодный,
Что сквозь матрац меня знобит,
Раздвинь жалюзи пошире,
Пусть неба синь нас освежит.

СИЗО

Мира два и две державы
Совсем несхожи по себе,
Закон здесь джунглей, волчьи нравы,

Что и не снилось тебе.

Есть в СИЗО «ансамбль
Веселеньких ребят»
Нажмут на кнопку только –
И смех в плач превратят

Волшебные дубинки,
Комбатовский сапог,
Испишут ваши спинки
От темени до ног.

Прикрой рукой, что горше,
Не защищай костей,
Чтоб не было попозже
Запасных частей.

Однажды нам иголку дали
Ваня ткнул её в жетон
Ещё часик – Ваню взяли,
А мы лишь вспомнили потом

Но одна ещё у Феди –
В строгой тайне где-то там
И сказал: – А ну их к фене,
Сей последней не отдам.–

За пять минут всех до отбоя:
– На коридор! и к стенке съесть, –
Сильных лба, стояло двое
Готовых как овечек съесть.

– Иголку здесь, до трёх считаю
На затылок руке все, –
И зашли в шеренгу с краю,
К центру, простенько ко мне.

Правой, левой ребят в шею,
А носками нам – в бока,
Печень, почки прикрываю
Пусть она уж там рука...

Подымаюсь, уверяю:
– Поверь, начальник, она в том,
Тут комбинация удара –
Поехал юзом, лёг пластом.

Больше Феде улетело,
Сапог в печень угодил :
– Ох! ах! ой! – из уст летело
Дрожа, иголку возвратил.

– Встать и в камеру валяйте,–
А Федя перхал до утра,
Ойкал, охал, кровью харкал,
Проклинал он сам себя.

Ночей двадцать укатило,
Он на корточках стонал...
Медленно вернулись силы –
Нас поносить он продолжал.
Он нас выручил немало,
А закончилось бы тем,
Во всех бы чего-то не хватало
Кому потом... и всё зачем?

Временами, был Федот нам
Непреложной доброты,
И приветлив и весёлый,
Даже щедр до тошноты.

Нам историю поведал
Зэковских былых времён:
Норму дай – получишь хлеба!
Как лес валил голоден он.

Как залезал в карман иль хату,
Как обыгрывал он в карты,
Как балдели в хмель и ханку,
Как манил всех на приманку.

Королём он жил в неволе,
Чудо-карты, карты – всё,
Как живём их хоронили,
Но смерть не трогала его.

На воле пробыл дней за сто,
Сей раз поймали: сто восьмая –
Восемь вновь здесь ждёт его
Обитель милая-родная.

На зуб Федоту я попал,
Что рубашку дал другому,
Епанешник помогал
Обзывать, скалить в подмогу.

До двух месяцев с тех пор,
Когда изрядно надоело,
Устроили со мной рабор,
Моя теплушка примирила.

Я выложил как всё должно,
– Простите, мужики, добавил,
У них и сердце замерло:
– Как мог терпеть ты ? – Федя вставил.

– Молчать два месяца – ты что?
Мы за дурачка тебя считали,
Ох ты хитёр, хитёр на сто,
Впрямь – и нервы с чистой стали!
Лишь оставили меня,

Сразу взяли за другого,
Здесь Серёжка в плане дня
Стал игрушкой нрава злого.

Серёжа бедненький Смирнов.

Били, били, издевались...

Сколько принял ты пинков?

В костях твоих все отзывались.

Но ведь за что вдруг налетел,

Другого стал месить ногами,

Я рядом здесь вблизи сидел

И больно щерился глазами.

– Не бей, браток, тебя молю!

И вдруг мне в лоб как с силой вмажет,

Я растянулся на полу...

– Ты тоже мразь, – вдобавок скажет.

Проходят дни... недели... месяца,

Мертвеет сердце и душа,

Чужая боль щемит всё меньше,

Грубеешь сам в пучине зла.

* * * * *

Как в любом царстве-государстве

Здесь мудрец, глупец-зевака,

Есть король, стукач и чёрный,

Свои рабы, своя собака.

Фашист, палач – привычно дело,

«Чёрный» – игрушечка для них,

Что-то против – сразу в рыло,

Иль просто в радость для своих.

Здесь и жадность без предела,

И торговля, магеран,

Любая тряпка им для дела,

Обмен, махли и обман.

Всё за чифер, всё за ханку,

Всё пройдёт через мундир,

И пароль есть на приманку,

Сюда войдёт и конвоир.

Жалость, совесть – одни сказки,

Ни морали, ни стыда,

Только сила – слова вязки,

Наглость здесь всегда права.

Нет, не то, чтоб раздевали,

Ты снимаешь сам и всё отдашь

Лишь просто только, чтоб отстали,

Набьет жадность свой багаж.

Ой, здесь классы, кланы, класс!
И дельцы на все лады
Так замазать смогут глаз,
Что ни туды и ни сюды.
Только здесь пути познаешь,
Как обширный наркоман,
На свободе не услышишь
Грязи сплетение в аркан.
И партийных здесь не любят,
Им до лампы то и сё...
Нас послушать – не упустят:
– Суеверие живо. –
Домино, как ворожея –
Сколько, что кому впадёт.
В вариациях надежда,
Хочешь знать судьбы исход.
Ругань, бред – вот тьмы победа,
Ништяк, ништена им вторит,
Мужеложство в кромок хлеба
В адских формах здесь царит.
Ещё хуже – среди женщин,
Даже мент страсть утолит,
Всё, конечно, тайно – нечто,
Чтобы шум не вострубить.
День за днём недели сходят
В стране ада и злобы.
С клетки в клетку тебя гонят.
Кричат: – Сам пришел сюды! –
Кроме стаи здесь зверей,
Есть оставшиеся люди,
Мало – больно до костей
С кем язык наш общий будет ?
Чтоб раскрыть поступок тёмный,
Лучше зеку взять его.
Следчий – парень наш проворный,
Навешать сможет хоть чего.
– Возьми, – молвит, – и чайку
Сколь хочешь, я пришлю,
Вари, дели всем чиферку,
А дело спишется к нулю.
А сколько страху чифернуть
Учуют, – горе все разделят,
Но кайфа сладость хананит
Словно брешь в душе заделать.

***   ***

И были дни благословенней,
Писанье им я раскрывал,
Жизнь святых по их велению
В небесных красках рисовал.
– Ещё, ещё! – молили хором,
– Ещё молитву напиши! –
И писал молитву вору
То катехизис изложил.

... ..

Мои друзья уж год в темнице,
И перед совестью своей
Мне не ловко «отвертеться»,
Не испив сей чаши всей.
И я мог бы здесь остаться,
Капелла здесь же может быть,
Для уголовных подвизаться
Для них небо приоткрыть.

Распорядок дня

У нас в СИЗО свое есть время
И распорядок строгий дня:
В шесть ноль-ноль дубачка Женя
Разбудит сама с полусна.
ЗЭК баланду тут подкатит,
Глаз к кормушке устремлён,
Пошёл косак и кто-то лает
Жидкий суп пли сгущён.
– Подгони чуть-чуть побольше, –
Другой молвит исподтишка,
– Я тебе носки попозже
Иль в закрутку табачка. –
Медсестра для формы глянет:
– Кто больной – иди сюда –
Таблетку белую протянет,
От всех бед она одна.
Затем в одиннадцать прогулка,
За коридором, коридор,
Бетонный боксик – вот так штука:
Дверь надёжно под затвор.
Бетон слева, бетон справа
Под тобой и над тобой

Сверху сетка из метала
Неба синь над головой.
Вдыхай воздух, пока время
Под взором пристальным мента,
И стряхнув решёток бремя,
Освежись, моя душа!

Синя крохоть – прелесть неба
Клочок белых облаков,
Парит в небе вольно птица –
Не мешай им, тень оков!
Как не хватает неба сини,
Звёздной бездны, облаков
Как не хватает просто тени
Спящих тополей, стволов.

И каждый раз, когда выводят
Я с удивлением гляжу:
Ведь среди вольных они ходят
И с соседями живут?...
Здесь их чувство явно вянет
«Дубаки», – не зря зовут.
Стегануть так некто жаждет
Конфетку словно им лизнуть.

Тон у них-то «величавый»
И ответят-то остро,
Ведь «гражданин начальник» звали,
На воле им цена - ни в что.
Минут двадцать, - хватит, в хату!
А здесь не гаснет лампа, нет;
Нет пощады киловатту,
Озаряет щедрый свет!

Потом вдруг: «на коридор все»!
Шмоны, шмоны как начнут,
Всё стряхнут и перероют
Всё что «лишнее» отметут.
Лишним – лезвие , иголки,
Нитки, ручки, стерженёк
С хлеба скатанные чётки
Иль что-либо невдовмёк.

После или до обеда
На допрос нас поведут,
Вопросы требуют ответа,
Что сегодня зададут?
В семь часов баланда – ужин,
В десять ровно нам – отбой,
Отдых – час от дела – дюжин,

Заработанный тобой.
Спи, делами утомлённый,
Завод сей чужой судьбы,
Только вши и клоп проворный
Не знают устали, беды.

Подсчитав, сколько убитых,
И сколько нас на всю тюрьму,
Крови пьют до пяти литров –
Один ЗЭК идёт клопу!

По соседству ЗЭК рыдает:
Сердце, сердце больно жмёт!
Врача просит, умоляет,
Плачет просто напролёт.
– Нет врача, – мент отвечает.
– Хотя б таблеточку одну, –
Больной ноет, умоляет...
Один ответ звучит ему.

Раз в десять дней дают и книги,
Что списаны давным-давно.
Духовна пища для обеда,
Запить газетой нам дано.

Кто в шашки, шахматы, кто в книгу,
Тот рисует, тот поет,
В домино весь день колотит,
Кто с ниток крестики плетёт.
Карандашик только можно,
Рукоделию – запрет,
В том и сладость непреложна,
Послушания в том нет.

Носки нейлоновые распустят
Вот вам нитки всех цветов,
Ручки-чудо вам накрутят
И повально всем – крестов.

Мои следователи

Двум следкам всё поручили:
Вопросы вскользь-то вперехлест,
«Дело сложно» – перешли
И подсудимый-то не прост.
Два следка... что это значит?
Неужто лишних в переборе,
Уловить бы во их взгляде,
Что с моими там на воле?

Два, но разных по натуре,
Один горд, другой простой,
Первый твёрже, раб казённый
С иронической чертой.

Три месяца меня мурыжат,
– Здравствуй,– первый не сказал,
Но второй опережает,
Пред ним я часто опоздал.

Козин в памяти остался
Генам значит подошёл,
Первый спорить собирался,
Я на после перевёл.

Фемида

Ты как прежде молода,
Весы в руках, вершитель Правды,
Только тот был прав всегда,
Чьей ты слушалась команды.

Предстоит тебе со мной
Проверить тщательно все гири,
Явить солидный возраст свой –
Не дирижируют ль мундиры?

Прости, Фемида, в час невзгоды,
Коль честь твою я уронил,
Чтобы наш, сей день победы
И меня в темнице посетил.

На суд

На судах бывал я как зритель,
Но мысль не представила дня,
Что время, судьбы повелитель,
Туда же ведёт и меня.

Окидывал презренным я взглядом
Тех, кто в заградке сидел,
Но завтра другие с укором
Мой же рассудят удел.

Бессонная ночь и волнение
Неведом исход предстоит,
Что несёт завтра мгновение,
Куда дальше путь мой лежит?

В карантине забито за сорок,

Свободного места стать нет,
За сутки – такой здесь порядок
К суду готовится ЗЭК.
Как жаждал я знать денёк Пасхи,
Дано во сне было сверх
В апреле тринадцать – славянски,
Сегодня одиннадцать – Страстный Четверг.
Солдат полным-полно, навалом,
Конвой усиленный ведёт,
Ведут меня каким-то залом,
Вот коридор и паства ждёт.
– Gelobts! и Слава Иисусу, –
Склонив голову, я честь отдал.
Ограждён я отовсюду,
Под пистолетами шагал.
Я в заградке, два конвоя
Дважды пять – скамья солдат,
Суд закрыт, такая их воля
И отложить до майских дат.
И опять я в той же хате,
Пасху праздновал славян,
Читал, писал и день в закате
Свой отпечаток оставлял.

Хлеб

Месяц первый оставался,
Теперь – мало, я гляжу;
Ещё б от «пол» не отказался,
Ем и есть я вновь хочу.
Если б каждый там, на воле
Рацион всегда делил,
Не ронял бы даже доли,
А хлеб бы с золотом сравнил.
От пресыщенья так базарно
Божий дар неценен нам,
Всё святое и нам бесспорно
Тоже где то... где-то там.

Не достроен Вифлеем

К рождеству макет я строил,
Свод в пещеру завершил,

Небесный свод склонил устои
Навис в мечте, повис-застыл.
Здесь ночной пейзаж и стадо,
Хвост кометы им подстил,
И поток утолить жажду,
И луна среди светил.
Там костёрчик мы устроим,
Тепла очаг для пастухов,
Отсюда свет и мы усвоим
Для застывших чувств основ.
Но звезда от нас отстала,
Как волхвам на полпути,
Мир душевный всем отняла,
Куда же, овцы, вам идти?
К торжеству умножить радость
Вифлеем наочно был,
Но атеизм – дракон коварный –
Ваш покой не пощадил!

Весна

Посветлели стёкла окон,
Послабел мороз в злобе,
Чаще луч заглянет в щели,
Весна теснится и к тебе.
Выбивают капли счёты,
Устремляются к земле –
У неё свои заботы,
Как внутри, так и извне.
Прогулки стали подлиннее,
Свежий вздох перехватить,
На солнце нежиться милее,
Чем в мрачной камере сидеть.
Коридор дворов прогулок –
Плавать только на челне,
И свобода, и неволя
Оживают по весне.
И зима, весна в судьбе нам
Циркулируют извне.
Вдруг пурга страданий валом
В радость сменится вполне.
И не вечно рябить будет
Решёток множества число,
Но никто уж не забудет,

Если мимо глаз прошло.

Числа 24 мая я написал начальнику тюрьмы заявление следующего содержания.

Согласно Советскому законодательству по религиозным культурам, заключённому гарантируется право на удовлетворения своих религиозных нужд, в частности, он имеет право на исповедь. В соответствии с вышеуказанным, прошу разрешить мне удовлетворить мою нужду, и для выслушивания моей исповеди сообщить православному священнику Пивоварову Борису из Никольского собора г.Новосибирска. Прошу не отказать в моих духовных нуждах. (ответа не было)

Новосибирск

Новосибирск – столица ты Сибири,
Исполин восточных городов,
Открываешь вдаль свои ты двери,
Путь навстречу солнцу скорых поездов
Обнимает, как дитя рукою,
Тебя Обь седая – труженик-река;
На лице твоём оставлена войною,
Неизгладима временем черта.
Вознёсся высью ты орлиной,
Раздвинув глубь и ширь Оби,
В волнах сё напев старинный,
А в бликах их ОБГЭС огни.
Тополь урожаем балует в июле,
Серебристо-белым стелет полотном,
Всем гостям хватило б в полном изобилии,
А главное вспомнить будет им о чём.
Ты родина великих, легендарных,
Не исчезь твой подвиг ратных лет,
Умножают славу судьбы знатных
И тебе подобных здесь, в Сибири нет.
Любил вдыхать я запахи вокзала
И с грустью провожал твои я корабли,
И боль разделил вдовы той с пьедестала,
Где в памяти вечной спят сибиряки.
Каждым ранним утром ты к делам-заботам
Без запинки время в путь свой спешил,
Но на всяком месте и по всем дорогам

Я в утренней молитве тебя благословил.
Прощай же, величаво склонившийся над Обью
В труде, в раздумье и грузе забот
Пусть распишет небо белою чертою
Над тобой плывущий мирно самолёт.

Приговор

Четверг, шестнадцатое мая –
Вознесение Христа,
В пятый день всё завершится,
Что предписала мне судьба.
Трое свидетелей наших
Вошел, на коленях молят ко мне:
Благословите сестёр, Отец, ваших
Засвидетельствовать правду в суде.
Больно судья претерпела
Вид необычный для ней
– Не цирк вам, не церковь, – она говорила,
– Видите себя по скромней!
Ложных свидетелей шесть,
Сложнее им было с Алинкой,
Переделать донос её весь,
Снабдив его свежей новинкой.
Немало пришлось потрудиться,
Премудрость мозга ЭВМ,
Чтоб ложь глаголать вместо правды,
Верить ей, а нам зачем?
Самокрутов сам напутал,
Вместо правды ложь рыгнул,
В друзья Ииуду переудил,
К серебру он страсть учул.
«Встань в борьбе все против мрака» –
Хотя мраком сам покрыт,
Мораль безбожника, *отзнака* –
Ложью он единой сыт.
Встали все, запнув дыханье,
Суд идёт, замри, конвой!
Тревоги нет, но ожиданье –
В чём расписались надо мной?
Судья читает преступленье,
Года подсчитывает мне,
Я подсчитал – их было восемь,
На жизнь хватало их вполне.
«Виновен» – наш не в комсомоле,

«Виновен» – службу затянул,
«Виновен» – дети были в церкви,
А атеизм им не толкнул.
– Позвольте мне статью увидеть,
Что пред комсомолом виноват?
И суд высокий не ответил,
Почему щемились мы в правах.
Добавить бы ко всем упрёкам,
Что храм хотел я развалить,
Вы вернулись бы к истокам,
И по-римски осудить.
Применив статейку сорок,
Минимум мне присудил,
Гуманно ведь в три года срока
Работ физических дарил.
Через полвека повторилось
Судьба ксендза-католика.
В тридцатых здесь беда случилась –
Бесследно съели Юркиса.
Случилось то, что ожидал я –
На десять лет был дан намёк,
И собирали, не уставая,
Тщательно всё в свой мешок.
Но атеизм ошибся малость...
И кое-что, чтоб наверстать
Мне предложили: «Вы раскайтесь»,
И через «Правду» передать.
Даже срок скостить смогу я,
Тем себе я помогу
И других от сей решётки
Надёжно всех предупрежу.

Камера 78

Было здесь ЗЭКов за тридцать,
Больше их ждало суда.
– Ты старый, ведь не убийца?
Будешь нам вместо отца.
«Святым отцом» для них стал я
С блатными в семью я вошёл,
Здесь книги читал безустанно,
До восьми десятков дошёл.
Одним молитвы писал я
Других от драки умолял,

Молился, на суд провожая,
С ними псалмы распевал.
Даже гарантию дали –
Ни словом не тронет никто,
Так дни и недели бежали,
И лето мгновенно сошло.
Ярус второй я на шконке
Всё лето почти пролежал,
Мест свободных не было
Где мог бы хотя постоять.

Лето

Сквозь жалюзи гляжу я
Свобода – метров шестьдесят,
Осина телится вся пухом
Друг с другом листья говорят.
Зелень, солнце щедро стелет
По земле свои лучи,
Месяц звёзды провожает
В млечный путь среди ночи.
Свобода жизни всем дороже,
Даже волк, попав в петлю –
Пережуёт он лапу позже,
Но вольной видит смерть свою.

Камера 120

Этаж отныне третий будет,
Все в полном сборе, как и там,
Но здесь темней и жарче, хуже,
Царство здесь одно клопам.
Только небо, в щель в зените,
Сможешь видеть – вот и всё,
Нам с клопами не ужиться,
Им и вшам – мы как жильё.
Здесь и новые клиенты
Начальник СУ и бригадир,
Директор фабрики, студенты
И десяток дезертир.
И помощь у меня просили
– На всякий случай помолись
И освяти вот... – подходили, –
Иль хоть рукой здесь прикоснись. –
День наш так всегда кончался:

Рассказом повестей, роман,
То история фантастов,
Агата Кристи иль Дюма.

К моим овцам

Прости меня, паства, за слёзы,
За горечь, печали, труды,
За кошмарно-бессонные ночи,
За безводно-иссохшие пруды.

Прости, что не всегда тебя мудро
На пажити тучны водил,
Уча терпению, сам же
Далеко таковым я не был.

Говорил о тепле я сердечном,
Сам же им не согревал,
О любви той Отца бесконечной,
Сам же я ей не пылал.

Учитель Божественный, чудный –
Глас еле слышен на улице был,
Я же, характером скудный,
Вам благодать Его не открыл.

Ежедневно молю за вас Бога,
Да хранит от волков и беды,
Да подаст вам пастыря снова,
Душевно прозрачной воды.

Одно вас прошу, умоляю –
Не ждите меня из тюрьмы,
Постройте же храм, призываю,
И пастыря иметь вы должны.

Пишите, просите, не ждите
Ни дня, ни минуты – нельзя,
Зрелость в Христе проявите,
Два года мы были не зря!

Ещё год готов я отбыть здесь
Для славы Христа и для вас,
Но будьте едины душою,
Молю-умоляю я вас!

Оставьте же страх и унынье,
С вами Христос – ободрись,
Бог с вами, и не быть волнению
Для славы Его подкрепись!

Мой низкий поклон до земли вам
За память, молитву, любовь,

После Голгофы Пасха настанет,
Воскресеньем и мы к радости вновь!

Судьба

Ты не стала играть со мной в прятки,
Иногда неумолимой была,
Твой почерк – внезапные схватки,
Как экзамен на зрелость вела.
    Ты нежно могла улыбнуться
    И оставить в ночной меня мгле,
    Где мрак и кошмар не давал шелохнуться,
    Сил не хватало, а ты в стороне.
То отпустишь, то вновь зажимаешь
В железном твоём кулаке,
То стонам души ты внимаешь
Теплом в материнской руке.
    Нет, не роняю я слёзы,
    Как раздавленное горем дитя,
    Мои ты лелеяла грёзы,
    Как мать младенца любя.
Кланяюсь тебе за дар веры,
Так чудно тернистой тропой,
За все испытанья – пределы,
Что начертал нам Спаситель родной.
    Меня из пастухов Вифлеема
    По вершинам науки вела,
    Озарив немерцающим светом,
    Драгоценный подарок дала.
Зажегши светильник, ты в мир послала
Ярко сиять над землёй,
И слёзы, обиды ты мной собирала,
Чтоб страна не шипела змеёй!
    У ног Памир ты склонила
    И Сибири расплавил лёд,
    И солнцем ты юга согрела,
    И приковала оковами – вот.
Нет, не роняю я слёзы
В застенках тюремной казны,
За труд ты даришь мне розы,
Хоть больно и ранят шипы.
    Временами больно и обидно,
    Мудростью обделила меня,
    Но так часто было ощутимо,

Как в другом была ты щедра.
Если б вновь выбирать стал судьбу,
С тобой заключил бы пари я,
Другой мне не надо, другой не найду,
Идти по пути, как Иосиф-Мария.

***   ***   ***   ***

Слава тебе, Боже,
За Сибирь, морозы,
Слава за кресты,
Стенания и слёзы,
    Дай ты мне лишь силы
    Тебя славить, Боже!
Среди злых и добрых,
В летний зной и стужу,
В здравии, болезнях
Влей Свой Дух мне в душу!
    Слава тебе, Боже,
    За печаль святую,
    За улыбку взгляда,
    За судьбину злую,
Когда мне поётся,
Когда боль сжимает,
Впрок удача льется
Или исчезает,
    Когда добрым словом
    Меня вспоминают
    Иль забудут вовсе,
    Иль с грязью смешают!
На патену жертвы
Это возложу я –
Слава тебе, Боже!

Амен. Аллелуйя !